

Компетенция управ благочиния была расширена по сравнению с ранее существовавшими полицейскими органами. Им теперь вменялось в обязанность знать занятия и источники доходов всех жителей, причем не только постоянных, но и временно проживающих, контролировать общественные организации, общества, товарищества и братства, а также религиозные секты и масонские ложи, которые могли образовываться только с разрешения полиции. Активизация в середине 80-х годов масонских лож, связанных с зарубежными организациями, привела к преследованиям и даже арестам наиболее активных их членов. Когда императорским указом о вольных типографиях в 1783 г. частным лицам была разрешена издательская деятельность, то цензура в отношении книг и журналов также была возложена на управы благочиния, т. е. на полицию. Характерно, что общая полиция была децентрализована, полицейские органы в губерниях всецело подчинялись губернаторам, а генерал-полицимейстер фактически руководил лишь столичной петербургской полицией. Правда, в XVIII в. делались попытки превратить генерал-полицимейстера в руководителя всей полиции империи, однако они не имели успеха. Общая полиция так и осталась децентрализованной.

Задачи общей полиции были определены в таких правовых актах, как Регламент Главного магистрата (1721 г.). Учреждение о губерниях (1775 г.). Устав благочиния (1782 г.). Задачи эти были чрезвычайно широки, но одним из главных направлений деятельности полиции оставалась борьба с уголовной преступностью. Для лучшей ее организации делались попытки создать специализированные звенья полицейского аппарата: сыскай приказ (1730) и особую экспедицию для розысков по делам воров и разбойников при петербургской полицмейстерской канцелярии (1746). Оба эти учреждения просуществовали недолго. Уже в 1762 г. они были упразднены, и ловить воров и разбойников было поручено местным властям под ответственность губернаторов и уездных воевод. Но примечательно то, что уже в XVIII в. была высказана мысль о необходимости создания специализированного аппарата уголовного розыска.

УДК 351.74(091) + 355.1

А.В. Кащеев

УЧАСТИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ФОРМИРОВАНИИ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Министерство внутренних дел занимало особое положение в системе государственного управления Российской империи, что определялось целым комплексом различных функций и обязанностей. Одной из них был контроль за деятельностью неправославных конфессий и сектантских течений, который осуществлял Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ), существовавший в структуре МВД с 1832 г. Функции, возложенные на ДДДИИ, требовали его участия в формировании военного духовенства Российской империи, которое к началу Первой мировой войны было представлено православными, католическими, лютеранскими и мусульманскими священно- и церковнослужителями. Формированием православного военного духовенства, представляющего в вооруженных силах господствующую Русскую православную церковь, занималось отдельное учреждение – ведомство протопрезвитера военного и морского духовенства, в то время как все представители католического, лютеранского и мусульманского военного духовенства подбирались или согласовывались ДДДИИ. Всего к началу войны в Российской империи было 14 штатных должностей военных капелланов, 5 должностей военных пасторов и 9 должностей военных мулл, две из которых, в Варшавском военном округе, были вакантны. Процедура замещения этих должностей, разработанная после оптимизации численности и конфессионального состава неправославного военного духовенства еще в конце XIX в., предусматривала, что в случае появления вакантной должности военного неправославного священнослужителя военное ведомство должно было либо предоставить свою кандидатуру на согласование, либо отправить запрос на замещение должности в ДДДИИ. До 1914 г. большинство назначений на вакантные должности происходило через такой запрос. В свою очередь ДДДИИ запрашивал информацию о кандидатах у подведомственных религиозных учреждений и их представителей.

Начало войны и связанные с ней мобилизационные мероприятия, увеличившие численный состав вооруженных сил, требовали соответствующего увеличения численности военного духовенства. Согласно действовавшим распоряжениям, еще до начала войны в приграничных военных округах были согласованы кандидатуры полевых (временных военных) православных, католических и лютеранских священнослужителей, которые в случае мобилизации переходили на службу в военное ведомство.

Вопросами формирования неправославного военного духовенства со стороны военного министерства в годы войны занимался мобилизационный отдел главного управления Генерального штаба (далее – мобилизационный отдел). Именно ему приходилось взаимодействовать с ДДДИИ. По архивным источникам прослеживается несколько видов такого взаимодействия в годы Первой мировой войны, которые схожи с довоенными. Первым из них было согласование с ДДДИИ кандидатур, предоставленных мобилизационным отделом, вторым – запрос у ДДДИИ мобилизационным отделом кандидатур на вакантные должности военных священнослужителей и третьим – предложение ДДДИИ без предварительного запроса мобилизационного отдела кандидатур священнослужителей. Каждый вид взаимодействия характеризовался организующей ролью ДДДИИ в согласовании или подборе кандидатур на должности неправославного военного духовенства. В то же время подведомственные ДДДИИ религиозные учреждения и их руководители активно включились в формирование военного духовенства. Так, например, осознавая необходимость удовлетворения религиозных нужд военнослужащих-единоверцев, могилевский римско-католический епископ-суффраган отправил 12 августа 1914 г. директору ДДДИИ список священнослужителей-добровольцев, которые готовы были стать военными священниками на театре боевых действий. В результате после введения в конце августа 1914 г. приказом Верховного главнокомандующего восьми должностей католических военных священников кандидаты из этого списка получили назначение. В это же время были введены дополнительные должности военных пасторов. Однако довоенный опыт свидетельствовал о том, что высшие лютеранские церковные учреждения затягивали предоставление кандидатов в ДДДИИ, что было вызвано тесной связью пастора с приходом как в служебном, так и экономическом плане. В начале войны также были введены десять должностей военных мулл. На них могли претендовать как мусульманские священнослужители, которые согласно законам Российской империи не подлежали призыву в вооруженные силы, так и призванные в армию мусульмане. Кандидаты на эти должности проверялись ДДДИИ на предмет специальных (религиозных) знаний, знания русского языка и политической благонадежности. Часть данной информации предоставляло Оренбургское магометанское духовное собрание, а часть – губернаторы губерний, в которых проживали кандидаты на должности.

При этом мусульманские проповедники, переходившие в военное ведомство на время войны, обеспечивались полным содержанием из казны, а военные муллы из числа военнотружущих – только содержанием согласно своему воинскому званию. Всего за период с августа 1914 г. по январь 1917 г. в вооруженных силах было введено 30 должностей временных военных мулл.

Осенью 1914 г. на театр боевых действий с согласия Верховного главнокомандующего и протопресвитера военного и морского духовенства были допущены старообрядческие священники Белокурицкой иерархии. Они получили полуофициальный статус и имели право проповедовать, но не получали государственного материального обеспечения. Более того, допуск старообрядческого духовенства в вооруженные силы состоялся без согласования с ДДДИИ, что являлось прямым нарушением существовавшего законодательства, что вызывало возмущение у руководства ДДДИИ и принятие соответствующих мер на недопущение подобных нарушений в последующем. Эти священники, в составе четырех человек, получили официальный статус, а в 1916 г. по запросу мобилизационного отдела ДДДИИ подобрал еще четырех старообрядческих священников на дополнительно открытые вакансии. Для определения кандидатов ДДДИИ делал запросы старообрядческим епископам и губернаторам, так как в отношении старообрядческого духовенства актуальным был вопрос политической благонадежности. Активность проявляли и религиозные лидеры армяно-григорианской церкви, выступив за тесное сотрудничество с вооруженными силами. Тем более, что до 1903 г. при штабе Кавказского военного округа существовала штатная должность армяно-григорианского военного священника. В начале 1915 г. прерванное сотрудничество было восстановлено – при канцеляриях главных начальников снабжений армий фронтов и штабе Кавказской армии были введены временные должности армяно-григорианских военных священников. При этом кандидаты на эти должности проходили схожую с старообрядческими священниками процедуру назначения.

Во время войны также рассматривался вопрос введения должностей военных раввинов. Однако из-за политики правительства в отношении евреев данный вопрос до свержения самодержавия оставался нереализованным.

Таким образом, в формировании военного духовенства в годы Первой мировой войны МВД, в лице ДДДИИ, руководствовалося как довоенным опытом, так и обстоятельствами и потребностями военного времени. Отработанная система взаимодействия со структурами военного ведомства позволяла оперативно решать поставленные задачи. Нарушение этой системы вызывало ответные действия, направленные на сохранение позиций МВД в регулировании государственной конфессиональной политики Российской империи.

УДК 351.745.7:94(476)

А.А. Киселёв

СОЗДАНИЕ СЫСКНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В НАЧАЛЕ XX в.

Сыскные отделения в структуре городских полицейских управлений были учреждены в Российской империи 6 июля 1908 г. с принятием Государственной думой закона «Об организации сыскных частей». С этого времени можно вести отчет существования отдельных структур уголовного розыска и в белорусских губерниях. В частности, в Минском и Виленском ГПУ открылись сыскные отделения II разряда, а в Витебском, Двинском, Могилевском, Гродненском и Белостокском ГПУ – сыскные отделения III разряда. В Гомеле сыскное отделение появилось 28 июня 1914 г.

Штат сыскных отделений в Вильно и Минске состоял из начальника, его помощника, 3 надзирателей и 6 городских, т. е. по 11 чинов на города с населением в 193 165 и 113 640 жителей соответственно (данные на 1913 г.). Сыскные отделения III разряда состояли из начальника, 3 надзирателей и команды из 4 городских, т. е. 8 сотрудников сыска на город с населением от 90 000 (Гомель) до 53 898 (Могилев) жителей. Различия между II и III разрядами выражались не только в количестве служащих, но и в размере жалования их начальников, суммах, выделяемых на розыск (2 700 и 2 000 руб. соответственно) и ведение канцелярии (1 000 и 700 руб.). Начальник виленского сыскного отделения получал в год 1 400 руб. и 350 руб. – на служебные поездки, а могилевского – 1 000 руб. и 200 руб. соответственно. Остальные чины всех отделений получали одинаковое содержание: надзиратели – 550 руб. в год, городские – 360. Для сравнения укажем, что в Гродно, например, средний дневной заработок чернорабочего в 1910 г. доходил до 2 руб. Отнюдь не случайно во время разработки полицейской реформы на первый план выдвинулась необходимость повышения жалования и пересмотра штатного расписания сыскных отделений. Так, согласно утвержденным 23 октября 1916 г. новым полицейским штатам начальник минского сыскного отделения должен был получать 2 800 руб., т. е. в 2 раза больше, а остальные начальники отделений III разряда – 2 500 руб., т. е. в 2,5 раза больше. Вместо городских появились только классные, т. е. «офицерские», должности надзирателей I и 2-го разряда с окладами в 1 150 и 600 руб. для II разряда и 1 050 и 550 – отделений III разряда. Наконец, увеличилось количество самих надзирателей: в Минске – по 9, в остальных – по 7. В служебном расписании появились должности письмоводителя, регистратора, фотографа.

Одной из проблем в деятельности отделений стало недостаточное финансирование. В частности, в течение нескольких лет существования виленского сыскного отделения оказалось, что сумма в 1 000 руб. на ведение делопроизводства и фотографирование не покрывает текущих расходов. Так, штат не предусматривал должности сотрудников канцелярии, которые могли бы взять на себя оформление всей документации: от ведения картотеки до фотографирования преступников. Практика показала, что найм письмоводителя, журналиста, писца и фотографа, расходы на бланки, канцелярские книги, материалы для фотографии каждый месяц составляют 153 руб. 70 коп. вместо предусмотренных 83 руб. 33 коп. Чтобы выйти из затруднения, виленский полицеймейстер 29 сентября 1910 г. прикомандировал к сыскному отделению 6 нижних чинов, чтобы четверо из них взяли на себя ведение делопроизводства. Кроме того, он обратился к губернатору с ходатайством о выделении кредита на канцелярские нужды в сумме 1 800 руб. или разрешении на перераспределение в пользу канцелярии денег, выделенных на сыскные расходы. В противном случае, указывал он, сотрудникам придется больше отвлекаться на работу с бумагами вместо уголовного розыска. Интересно, что Министерство внутренних дел на один год удовлетворило данную просьбу, но проблему это принципиально не разрешило. В своем рапорте от 14 января 1911 г. виленский полицеймейстер констатировал, что 5 чинов сыскного отделения занимают делопроизводство, а для сыскной службы остаются всего 4 человека. Последних невозможно разделить согласно Инструкции на отряды, приходится увеличивать состав розыска за счет наружной полиции, «которой в Вильне далеко недостаточно». Вообще, недостаток финансирования сказывался не только на нуждах канцелярии, но и на вооружении. Так, только 31 октября 1911 г. удалось обязать Виленскую городскую думу взять на себя расходы по приобретению оружия для городских сыскного отделения.